

ЮБИЛЕЙ В.А. ЯДОВА

ЗА БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ, И МНОГОЛЕТНЮЮ ПЛОДОТВОРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯДОВ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ДРУЖБЫ. РЕДАКЦИЯ «ТЕЛЕСКОПА» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА С ВЫСОКОЙ И ЗАСЛУЖЕННОЙ НАГРАДОЙ.

25 апреля 2009 года – весьма значимый для российских социологии день. Признанному лидеру нашей науки, создателю известной и многочисленной ленинградской школы социологии Владимиру Александровичу Ядову исполняется 80 лет. Его эрудиция, заряженность на новое, харизма, принципиальность во всем, что касается науки, подлинный демократизм, высокие гражданские качества, наряду с давно признанными классической работами по социологии и социальной психологии стали основой высочайшего уважения его как ученого, учителя и человека.

Российская социология будет всегда гордиться тем, что у ее истоков стоял такой выдающийся ученый и такая масштабная личность. Нам, ленинградцам-петербуржцам, особенно повезло. Владимир Александрович долгие годы работал в нашем городе, и мы имели возможность не только читать его книги, но слушать его выступления, дискутировать с ним по множеству вопросов, да и просто сидеть за дружеским столом и наслаждаться общением с ним. И думается, что в сердцах и умах социологов ряда поколений, живущих в нашем городе, хранятся благодарность ему и самое теплое к нему отношение.

Редакционный совет и читатели «Телескопа» поздравляют Владимира Александровича Ядова с его юбилеем, желают ему здоровья, оптимизма и постоянного научного куража.

Ниже приводится подборка коротких эссе, обращенных к Владимиру Александровичу. Их авторами являются известные в нашей науке люди, которые многие десятилетия работают и дружат с ним¹.

Трудно что-либо добавить к сказанному ими. Приведу лишь суждение, высказанное сорок лет назад известным ленинградским психологом Евгением Сергеевичем Кузьминым. Оно исчерпывающим образом характеризует сделанное Владимиром Александровичем Ядовым: «Советская социология начинается с буквы «Я»!

За воспоминаниями друзей Владимира Александровича следует интервью с его сыном - Николаем Владимировичем Ядовым. Он не просто относится к четвертой когорте российских социологов, называемой мною поколением биологических детей социологов-первооткрывателей, но является сыном родителей, стоявших у истоков современного этапа нашей науки. В этом интервью – помимо подробного рассказа Николая о себе, очень точно характеризуется личность Владимира Александровича и содержится объяснение его поведения как социолога и гражданина. Говоря об известной теории диспозиций Ядова-старшего, Николай указывает на стремление системы установок человека к непротиворечивости, цельности и затем отмечает: «... для отца, как я понимаю, эта цельность является сама по себе ценностью. Если обстановка принуждает к какому то виду двоемыслия или, извините, двоедействия, тем хуже для обстановки».

Да, именно таков Владимир Александрович. Поэтому так плодотворно его творчество и столь ценно и радостно общение с ним.

Борис Докторов

¹ При подготовке настоящего выпуска редакция журнала сотрудничала с группой социологов Института социологии РАН, готовившей сборник «Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею» (М.: Новый хронограф, 2009). Нами были предоставлены для включения в сборник интервью с Н. В. Ядовым и воспоминания А. Алексеева, Г. Саганенко и Б. Фирсова, публикуемые ниже, а также интервью Б. Докторов с В. А. Ядовым («Телескоп», 2005, №3 и №4). Редакторы-составители московского сборника разрешили нам опубликовать фрагменты из материалов, полученных ими от А. Здравомыслова, И. Кона, В. Магуна, С. Чеснокова и В. Шляпентоха.

Редакция «Телескопа» благодарит редакторов-составителей и авторов указанного сборника за помощь в работе.

Воспоминание (Володе Ядову, 25 апреля 2004)

Андрей Здравомыслов
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института социологии РАН, Москва

*Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир,*

*Песню спеть про шарик в небе,
И про девочку, что плачет,
Оттого, что шарик этот
Шарик этот улетел!*

*Шарик по небу летает.
И Нева течет спокойно
Величава, как царица,
Мимо старых берегов.*

*Где-то там, в дали безбрежной,
В памяти моей краешинкой
Возникает, возникает
Этот город – град Петра.*

*А Нева течет спокойно
Под воспетыми мостами
Мимо сада у Фонтанки
Мимо нашего дворца.*

*Вот, когда приедешь снова
В этот град неповторимый
В этот Питер, что родил нас,
Где застала нас война,*

*И пройдешь от дома восемь
Через мост Тучков на Стрелку,
И тебя охватит нечто,
Что не выразить сполна.*

*Многое чего припомнишь
Что хранится где-то рядом
В той каморке, дверь которой
Была долго заперта...*

*Все прошло, что было, было
Все смешалось-обновилось
«Все, что было сердцу мило»...
Не утлыло, не ушло!*

*И ты сам совсем такой же:
Неуемный, беспокойный,
Переменчивый, как пламя,
И подвижный, будто ртуть.*

Заметки о Владимире Ядове

Игорь Кон
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН,
Москва.

Писать о старом коллеге и друге, с которым тебя связывают больше полувека общих дел и воспоминаний, очень трудно. О вкладе Ядова в науку подробно расскажут другие, я хочу сказать о нем как о человеке.

Наше знакомство с Ядовым началось с острого кон-

фликта. В 1956 г. я пришел на философский факультет ЛГУ после того, как ученый совет факультета меня дважды проваливал. В каком-то смысле я чувствовал себя как в серпентарии, где со всех сторон можно ждать нападения. В одном из своих первых выступлений на факультетском партсобрании я упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. Вдруг поднимается аспирант, он же - секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона идейно ошибочно, комсомольская работа – дело серьезное, относиться к ней как к «увлечению» непозволительно. Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Но вскоре Ядов попросил меня прочитать свою диссертацию (или это сделал его руководитель Тугаринов, точно не помню), а в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной и самостоятельной. Ядов читал и Мангейма, и специальную литературу по социологии познания, на таком высоком интеллектуальном уровне понятие идеологии у нас никто еще не анализировал. Я не только дал положительный отзыв, но мы стали с Володей серьезно разговаривать.

Выяснилось, что Ядов – очень интересный, творческий и порядочный человек, с развитым чувством социальной справедливости, на его комсомольские закидоны просто не следует обращать внимания. Он был убежденным коммунистом, марксистом (впрочем, в истинности марксизма тогда никто из нас не сомневался), а его резкость – всего лишь проявление искренности и импульсивности. Вскоре мы стали близкими друзьями и единомышленниками в науке. Это была обычная мужская дружба, без особых интимностей и экскурсов в личную жизнь (некоторые важные подробности о детстве и юности моих друзей я узнаю только теперь, когда они публикуют свои воспоминания), но она предполагала надежность и доверие. В советское время общность неортодоксальных политических взглядов была значительно важнее, чем знание любовных увлечений и приключений, вокруг которых обычно строится юношеская дружба.

Путь Ядова в социологию и в ней был нелегким. Сначала он не хотел заниматься эмпирическими исследованиями. По сравнению с философскими теориями, они казались ему мелкими. Но когда ему поручили заведование лабораторией, он взялся за дело со всей присущей ему ответственностью. Сначала лаборатория существовала на общественных началах. На каком-то банкете с присутствием именитых московских гостей, из-за обострения фарингита я вместо вина поднял за лабораторию стакан боржомом, а когда люди стали смеяться – сказал, что за общественную лабораторию можно пить только неалкогольные напитки. Вскоре это было исправлено, и ядовская лаборатория стала одним из ведущих социологических учреждений страны.

По своему характеру Ядов – бесспорный лидер, особенно в том, что касается формулирования и разработки новых идей (организационных и дипломатических талантов я за ним никогда не замечал). Он не только создал собственную школу и идейно возглавил всю ленинградскую социологию, но и помог становлению социологии в других регионах. Особенно велика его заслуга в становлении эстонской социологии.

Ядов – лидер демократический. Он никогда не навязывал коллегам своего мнения, не рвался вперед, именно поэтому его охотно принимали в качестве лидера. Со своими учениками и сотрудниками он общался на равных, они могли резко спорить, не обижаясь друг на друга, посторонние люди этого не понимали. У физиков резкие

споры всегда считались нормой, а гуманитары, у которых оценочные критерии более размыты, любят чиновничество и обид не прощают. Разумеется, гуманитары тоже бывают разными. Однажды Ядову позвонил домой приехавший в Ленинград влиятельный московский истматчик Г.Е.Глезерман и попросил о встрече. Володя не разобрал фамилию звонившего, сказал, что очень занят и предложил встретиться в университетской поликлинике, где у него был назначен прием у врача. Глезерман согласился. Когда Володя его увидел, то не знал, куда деваться от смущения - помимо чинов, Глезерман ему по возрасту в отцы годился - но тот был человек с юмором, так что с тех пор у них были прекрасные личные отношения. Наши (мои - тоже) отношения с ним прекратились лишь после скандального обсуждения лекций Ю.А. Левады в Академии общественных наук, где Глезерман был проректором.

Иногда ядовский демократизм выглядел чрезмерным. Например, первая коллективная статья ядовской лаборатории в «Вестнике ЛГУ» подписана всеми сотрудниками по алфавиту, и фамилия Ядова, естественно, стоит последней. Но какое это имеет значение? Добрые отношения с сотрудниками значительно важнее формально-чинопочитания.

Зато с начальством Ядов ладить никогда не умел. Пока директором НИИКСИ при ЛГУ был Б.Г. Ананьев, он всячески поддерживал Ядова, но последующие директора были один другого хуже, в конце концов лаборатория даже оказалась под угрозой закрытия, ее спас лишь переход в полном составе в московский ИКСИ. Позже, в ИСЭПе ситуация для социологов сложилась еще хуже, отсюда Ядову и Фирсову пришлось буквально бежать. Конфликты вызывались не тем, что Ядов чего-то добивался для себя и даже не столько идеологическими трудностями (партийные органы социологию и социологов не любили, но уничтожать не торопились, там тоже работали разные люди), сколько личными амбициями околонучных администраторов, которые сами ничего не делали и другим не давали (если не могли примазаться к их работе).

Тот, кто будет оценивать вклад Ядова в отечественную науку, обязательно упомянет не только социологию, но и социальную психологию. Когда мы начали всерьез заниматься проблемами личности, мы были уверены, что психологические методы получим в готовом виде у наших коллег-психологов, у них все отработано и освоено. Оказалось - ничего подобного. Ни современных социально-психологических теорий, ни главных личностных тестов, ни других методик, вроде М. Рокича, советские психологи толком не знали. Освоение этого наследия выпало на долю Ядова, Г.М. Андреевой и их молодых (по моим меркам) сотрудников и учеников. Это была большая и трудная работа. Не знаю, существует ли у нас понятие «социологической психологии», но если кто-то захочет проследить ее историю, ему придется начинать с работ Ядова, которые очень близки к классическим трудам Мелвина Кона.

Самое ценное качество Ядова как ученого - способность и умение продолжать и углублять однажды начатую тему. Сегодня молодые социологи часто спрашивают: «А что, собственно, нового открыла советская социология?» Когда Ядов занялся социологией труда, исходная задача была простая: показать, как труд превращается в первую жизненную потребность. Выяснилось, что этого не происходит. Первые цифры на самом деле были очень даже благоприятными, люди отвечали так, как требовала официальная идеология, тем не менее так отвечали не все, и партийных идеологов это смущало.

После первого большого ядовского доклада член ЦК КПСС академик Митин (в какой-то из своих статей Ядов приписывает эти слова Ц.А. Степаняну, но я точно пом-

ню, что это был Митин) сказал: «Цифры - это хорошо. Но нам нужны правильные цифры, которые подтверждают нашу теорию!».

При всей его увлеченности работой, Ядов всегда был человеком семьи. Его истинным ангелом-хранителем и настоящей хозяйкой в их хлебосольном ленинградском доме была его жена Людмила Николаевна Лесохина, Люка. Талантливая учительница, а затем первоклассный специалист по социальной педагогике, она охраняла их семейный очаг от всякой шушеры, которую плохо разбирающийся в людях Ядов иногда опрометчиво допускал. У них был отличный круг надежных старых друзей, с которыми можно было говорить обо всем. Наряду с философами и социологами, там были и физики, и деятели искусства (например, кинорежиссер Игорь Масленников). Близкие сотрудники Ядова, если у них возникали сложные проблемы, иногда предпочитали сначала обсуждать их с Люкой, которая в практических вопросах была значительно сильнее мужа и благотворно на него влияла.

Когда Ядовы, наконец, получили отдельную квартиру, у Володи прорезался новый талант. Вместо того, чтобы покупать, как делали тогда все, модные импортные гарнитуры, Ядовы стали по дешевке покупать, а то и просто подбирать на помойке старинную мебель, а затем под руководством антиквара собственными руками ее восстанавливать. Это была тонкая кропотливая работа, зато такой красивой нестандартной мебели не было ни у кого. Особенно замечательна была старинная кухня. Кроме того, ручная работа отвлекала от социальных неприятностей, которых у Ядова в последние годы ленинградского жизни было выше головы.

Как многие из нашего поколения, Ядов типичный трудоголик. В любом возрасте и при любом самочувствии, он всегда что-то делает, пишет, редактирует. Но если таков твой стиль жизни - значит, так тому и быть.

Тяготение, которое не тяготит.

В. А. Ядову - 80 лет

*Андрей Алексеев
кандидат философских наук, С.-Петербург*

Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов все же «далекая звезда» - хоть можно и книги почитать, и лекции послушать - кому бы молодому такая активность! - то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это «тяготение» не тяготит, и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить «вне» этого поля.

Далеко не безупречный и не репрезентативный онлайн-опрос «Демоскоп-Weekly» середины прошлого года, тем не менее не мог не отобразить ядовское первенство в популярности среди коллег, ближних и дальних². Ядов - харизматический лидер, каковым стал очень рано и остается на протяжении многих десятилетий, независимо от возраста, чинов и званий.

Я ограничусь здесь одним документированным эпизодом, вроде не таким уж и существенным, однако показательным.

В 1979 г., Ядову, самому известному из советских социологов, только что проведенному повторное исследование «Человека и его работа» и издавшему «Саморегуляцию и прогнозирование социального поведения личности», уже смещенному с поста заведующего отделом Института социально-экономических проблем АН СССР, но еще не изгнанному из него (чем этот институт, понятно, себя

2 Демоскоп-Weekly. Электронная версия журнала «Население и общество». № 335/336, 2-15 июня 2008 <<http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/vote01r.php>>.

прославил), исполнилось «всего лишь» 50 лет. Обстановка в том институте была довольно напряженной, и надо было так составить юбилейный адрес, чтобы его, не задумываясь, подписали все – от лаборанта до директора.

Мы, сотрудники сектора социальных проблем личности и образа жизни, проявили чудеса изобретательности, чтобы облечь свои искренние чувства в достаточно казенные слова, за которыми эти чувства, однако, просвечивали. И сочинили:

*«Удивительно молодой старейшина»
(В. А. Ядову – 50 лет)*

Дорогой Владимир Александрович!

В день Вашего 50-летия коллектив Института социально-экономических проблем АН СССР хочет выразить свою глубокую удовлетворенность и осознанную гордость тем, что Вы являетесь его членом. Ваш славный жизненный и трудовой путь представляется Вашим коллегам неотделимым от исканий и достижений современной советской социологии, своего рода олицетворением ее исторического пути. В Вашей научной деятельности счастливо сочетались первооткрывательство и развитие заложенных Вами научных направлений, будь то современная отечественная социология труда, социология личности, разработка методологических проблем социологических исследований. Общепризнанные успехи отечественной социологии за последние 20 лет во многом обусловлены Вашим вкладом. Воспитатель целой плеяды исследователей, ныне работающих во всех концах страны, Вы являетесь удивительно молодым старейшиной советских социологов, неиссякаемым «генератором идей» и «стимулятором открытий». Органическое сочетание научной и гражданской позиции, партийная принципиальность и человеческое обаяние, свойственные Вам, позволяют сегодня сказать, что коллеги и друзья видят в Вас подлинного Рыцаря советской социологической науки.

Желаем Вам, Владимир Александрович, новых открытий и творческих озарений, жизненных радостей и достижений в третьем 25-летию Вашей жизни!

25 апреля 1979 г.

Этот адрес интересен и тем, когда именно он был написан (1979), и тем, сколько лет было юбиляру (50). Такая получилась «точка соприкосновения биографии и истории» (пользуясь выражением Ч. Р. Миллса).

В 1999 г. Ядову исполнилось, понятно, 70. И текст этого самого адреса был произнесен и вручен ему (в ту пору уже 10 лет как директору головного социологического института страны), повторно. И ведь не устарело! Замечательна верность Ядова самому себе, тому, каким его видят окружающие, и тому месту, которое занято им в современной российской социологии, какие бы должности ни занимал.

И вот теперь – 80-летие. Почти все пожелания коллег и друзей, высказанные 30 лет назад, сбылись. Хотя было за эти десятилетия немало не только радостного, но и горького.

...А зачем я все это пишу? Только ли для того, чтобы еще раз поздравить с юбилейной датой Учителя, Коллегу и Друга, сыгравшего столь важную роль в моей жизни? Нет. Зная Ядова, я уверен, что тот старый адрес не висит у него на стене в рамке под стеклом. И вновь врученный ему 20 лет спустя – тот же самый, но уже без золотого тиснения на папке – тоже куда-нибудь заделался.

А тут – журнал «Телескоп», хоть на бумаге, хоть на сайте (...на папирусе, глиняных дощечках, в камне...), сохранит – и для него самого, и для всех его учеников, нынешних и будущих, – этот скрипт ближайших коллег и друзей об «удивительно молодом старейшине» отечественной социологии. Каким он был, остался и никогда не перестанет быть.

Владимир Ядов.

Сложен, но его понимает всякий

**Борис Фирсов
доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Европейского университета в Петербурге**

Избавление социологов от реальных и потенциальных несправедливостей, от многолетнего бесправия произошло в 1988 году, когда Политбюро ЦК КПСС приняло запоздалое постановление «О дальнейшем повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении ключевых проблем советского общества». В итоге Институт социологии АН СССР возглавил профессиональный социолог – Владимир Ядов. Каждый день новой директорской жизни нес на себе отпечатки его неукротимой творческой природы. Поступки, которые он совершал, мысли, которые он выражал, для нас, людей из его окружения, были признаками его многообразных талантов, а для него, прежде всего, отстаиванием своих взглядов, как своего собственного «Я». В этом – весь Ядов.

Когда его утверждали директором Института социологии АН СССР на заседании Президиума Академии наук, президент Академии, академик Г. Марчук задал ему ритуальный вопрос. В советских «верхах» действовало одно правило: если кого-то наделяли доверием и назначали руководителем крупного учреждения в надежде на то, что он что-то изменит, исправит к лучшему, то считалось обязательным спросить выдвигенца: «Утверждая вас в высокой должности, мы хотели бы спросить, чем можно облегчить первые шаги в новом для вас, серьезном деле?» В эти моменты руководящий орган на мгновения превращался в богиню благотворительности. У «золотой рыбки» просили автомашины, вычислительную технику, зарплату. А Ядов возьми да скажи: «Прошу создать филиал Института социологии в Ленинграде. 55 моих коллег по профессии томятся в неволе у экономистов из Института социально-экономических проблем АН СССР». Марчук отреагировал мгновенно: «Ну, что ж, пожалуй, в этом есть смысл. Давайте создадим филиал!». Как правило, только на обсуждение идеи быть или не быть новому учреждению уходило месяцы согласований, а тут рождение филиала произошло на глазах! И это в то время, когда в стране на все надо было получать разрешение партийных инстанций. Марчук поддался ядовской искренности. Такое случалось редко.

Затем возник вопрос, кто возглавит новую академическую организацию? А это тоже было прерогативой партийных органов. Ядов, будучи директором головного академического института, поехал договариваться по этому поводу в ленинградский обком КПСС. Он сказал без обиняков: «У меня нет никаких других кандидатур на пост директора-организатора филиала кроме Фирсова». На что его собеседник, один из секретарей обкома партии возразил: «Как так Фирсова? Он же опальный! Он еще ходит со строгим партийным выговором, да еще с предупреждением. Как он может быть назначенным на пост директора филиала, если взыскание не снято?». Понимая, что наступили времена, когда можно было свободно разговаривать и даже возражать в стенах, где еще недавно этого не допускались, Ядов ответил: «А сейчас время опальных!». Подумав над этими необычными словами, его собеседник произнес: «Да, вы правы. Пусть директором будет Фирсов». «Опальный» – это еще отсюда, из советского прошлого, а вот «время опальных» – это уже из перестроечной атмосферы, императивы которой Ядов быстрее многих усвоил и встроил в структуру своего повседневного бытия.

Он и социологию, одно время до странности мало или вовсе неизвестную в нашей стране, быстрее многих сде-

лал своей особой повседневностью, добрался до глубин подлинно научного социологического знания, эзотерического для многих, кто искренно стремился к обновлению советской жизни, чуждого для тех, кто пытался эту жизнь сохранить нетронутой временем. Все его профессиональные победы и достижения, идет ли речь о богатейшей исследовательской практике или о сотнях научных публикаций, принесших ему всероссийскую и мировую известность и признание, или об армии учеников и последователей, представляющих все поколения отечественных социологов, поверивших в Ядова как в свою путеводную звезду на научном небосклоне, все они (речь о научных и педагогических достижениях самого высокого класса) опираются на его способность думать, рассуждать, писать, спорить, комментировать, объяснять себя, вступать в любой вид коммуникации на равных. Ядов сложен, если речь идет об уровне его мышления и глубине постижения реального мира, но его понимает всякий, кто хотел бы его услышать или прочесть. Без этого свойства интеллекта, лидером научного сообщества стать невозможно. Но Ядов им стал, давно и заслуженно.

Когда-то я на какое-то время поставил преграду его стремительному движению к вершинам научного знания об обществе. Я - тот самый Борис Фирсов, секретарь Ленинградского обкома комсомола, который в 1956 году приехал за ним на машине, привез в обком ВЛКСМ и заставил пойти работать первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, где он, Владимир Ядов, аспирант второго года обучения философского факультета Ленинградского государственного университета, тогда состоял на комсомольском учете. Признаю свою вину в том, что защита ядовской диссертации была отложена на два года. Все годы, прошедшие с той поры, когда кончилась моя временная власть над комсомольским активистом Владимиром Ядовым, я живу, будучи раз и навсегда покоренным его талантом ученого. Из научного руководителя моей кандидатской работы, он быстро и незаметно превратился в моего учителя и поводыря по миру социологии. Я верю ему во всем, храню верность его научным заветам и горжусь тем, что живу и работаю во времена, когда продолжает торжествовать социологический разум моего наставника и друга.

Теперь о необщепринятом. Я хотел бы, чтобы в дни юбилея мы с признательностью вспомнили самого близкого юбиляру человека, его жену Людмилу Николаевну Лесохину, Люку, как он ее всегда трепетно называл, а следом за ним и все, кто был принят в их ленинградском и московском домах. Дома эти нельзя назвать жильем в традиционном смысле. Это - пространства, где круглосуточно совершалась полноценная и многогранная научная деятельность профессора Владимира Ядова и размещались системы жизнеобеспечения семьи, созданные Люкой с необычайным искусством и изобретательностью, в другом выражении - модули обитания, из которых он мог во всеоружии безопасно выходить в космос социологической науки. Профессиональный психолог, доктор наук, Люка была самым близким советником ученого социолога Владимира Ядова по жизни. Никто не назовет эту жизнь простой, но он прожил ее с необычайным достоинством и честью. Фундамент высоких этих качеств юбиляра покоится на любви и мудрости его жены. Да будет светла наша память о Люке и наша благодарность ей за понимание роли мужа в развитии нашей многострадальной науки.

Наш, не их. Социолог и система

Владимир Шляпентох
доктор экономических наук, профессор
Мичиганского университета, США

Владимир Александрович Ядов - выдающийся ученый и справедливо называется многими социологом номер ОДИН в России второй половине 20 века. Но я не буду писать об этом. Равно как не буду обосновывать мои наблюдения и выводы о том, что мало социологов на белом свете, в которых так великолепно соединены огромные теоретические дарования и Богом данные способности к эмпирическому исследованию; мало способных учиться после того, как они стали «великими». Ядов - редок и в этом отношении. Он нежно и даже страстно любит социологию, и мало среди моих коллег здесь и там таких эрудитов. Может быть, только Игорь Кон из числа российских социологов столь же славен своей начитанностью, как В.А. Он принадлежит к редчайшей породе интеллектуально честных людей, никогда не позволяющих себе наступать на глотку истины, чтобы повысить или защитить свой престиж. Это моя любимая тема в размышлениях о человеческой природе, но здесь я ограничусь сказанным. Ядов - замечательный друг. Это четко проявилось в его отношении к тяжело больному Шубкину. Но я вынужден оставить и эту тему. В. А. - человек с редким равнодушием к власти и ее атрибутам. Я не видел человека, занимающего пост директора ведущего академического института, который вел себя так демократично, как он. Еще одно редкое качество юбиляра - спонтанность и нестандартность поведения в любой ситуации. Только один другой замечательнейший человек и социолог Борис Андреевич Грушин, любимый мною также, как Ядов, был с ним в той же лиге по этому качеству. Но и не об этом пойдет речь дальше.

Я хотел бы поразмышлять о генетических факторах, которые никогда не позволяли Ядову быть «в обнимку» с властью предрежущими.

Конфликт между стремлением быть интеллектуальным и профессионально честным и желанием быть в согласии с властью и ее идеологией бушевал в сердцах всех «основателей советской социологии». Этот глубинный конфликт разворачивался в сознании творческого российского интеллигента в 60-80 годы, как, впрочем, он горит в сознании многих российских интеллектуалов сегодня, хотя, как мне кажется, куда с меньшим драматизмом чем тогда, когда Ядов и его коллеги решали для себя почти каждый день свою экзистенциальную проблему - поздороваться в публичной библиотеке с диссидентом, прочитать самиздат и передать его другому, встретиться без разрешения властей с иностранным социологом, упомянуть положительно в лекции Парсонса или Фрейда.

Конфликт между конформизмом и свободой мысли и поведения протекал по-разному. У одних он был разрешен полностью в пользу власти, найти «рациональное» оправдание для умных людей дело не сложное, у других - в пользу честности. В.А., конечно, относится ко второй группе.

По натуре Ядов не является борцом, каким, например, был Борис Грушин и тем более Юрий Левада. Будучи добрым и мягким человеком, он тяготел инстинктивно «к миру с окружающим миром», к компромиссам. В.А. дважды в Америке был свидетелем моих острых споров с Левадой. В обоих случаях он не занял позиции в наших конфликтах и старался не допустить их обострения. В своем интервью Докторову Ядов поразителен в своем бесстрастном описании своего прошлого. В большом тексте нет места негативным прилагательным в описании того, как обращалась с ним и с его друзьями и коллегами. В.А. - неконфликтен даже в описании своих контактов с КГБ,

особенно в должности директора Института социологии. Он поразительно отстраненно рассказывает о встречах с Бобковым, заместителем Председателя КГБ, председателя советских инакомыслящих в 1970-ые и 80-ые годы.

Но пепел Клааса всегда стучал в сердце Ядова, и каждый раз, когда он соприкасался с реальной и беспощадной властью, ему надо было определять границы очередного компромисса. Один из самых замечательных эпизодов в жизни Ядова – в чем-то важнейший – было согласие по просьбе Роя Медведева устроить на жилье одного отбывшего срок зека, странного и подозрительного для окружающих человека, который, стуча на машинке, не выходил из комнатенки старой няни Ядова. То был Солженицын. Да и открытая дружба с одноклассником Роем, которого он навещал в Москве, отмечаясь у сидящего на лестничной площадке надзирателя, тоже о чем-то говорит.

Начальные условия предполагали сердечные отношения Ядова с властью. Он родился в семье активных коммунистов, исповедовал революционные идеалы и был убежденным марксистом в советском понимании этого термина. Ядов не только был заместителем секретаря комитета комсомола ЛГУ – огромная должность для студента, не только стал членом партии, будучи второкурсником, удел особенно активных общественников, но несколько лет был секретарем райкома комсомола. Однако уже в этой романтично-революционной стадии Ядов не избежал конфронтации с властью, которая вместо того, чтобы приласкать идейного и одновременно талантливого человека, исключила его из партии за некую строптивость. Власть дала первый сигнал Ядову, что она чувствует его опасный для нее романтизм и его честность, качества несовместимые ни с какой авторитарной, а тем более, тоталитарной властью. С тех пор, отношения с российской властью, в ее советском и постсоветском вариантах, у Ядова налаживались только тогда, когда она становилась относительно либеральной: в 1960-ые и с конца 80-ых до 2000-ых.

Именно тогда власть позволяет Ядову стать руководителем лаборатории и даже института. Она разрешает ему стажироваться в Англии в начале 60-ых и посещать международные конференции. Однако и в самые мягкие времена власть сохраняла к Ядову, несмотря на его пылкую любовь к марксизму, сдержанность, а как только она начинает двигаться к своему нормальному состоянию в России 20 века – авторитаризму, она немедленно ставит Ядова на свое место. В начале 70-ых к власти в Институте социологии пришел Руткевич, он назначил Ядова своим замом, но скоро понял свою ошибку и органическую несовместимость Ядова с авторитаризмом. Затем, с дальнейшим движением страны назад от XX съезда, на Ядова пошла охота, власть показала, что она думает о нем. Работая в Институте социально-экономических проблем в Ленинграде, он получил сполна. Власть придралась к ерунде, чтобы превратить жизнь Ядова в сплошные терзания и унижения. Все лояльные действия Ядова были забыты властью. Это и вполне идеологически лояльные социологические исследования совместно с авторами, имевшими репутацию твердокаменных защитников партийных решений. В этих исследованиях воспевался, вполне в духе казенного марксизма и официальной идеологии творческий труд на благо родины. Только дикие по стандартам оттепели люди, как академик Митин, решались публично ругать исследования Ядова (в основном из-за их эмпирической базы), которые были намного идеологически менее задиристы чем, например, исследования Шубкиным профессиональной ориентации молодежи, уничтожавшие догму о ведущей роли рабочего класса в обществе. Впрочем, оказалось, что в профессиях сложного высококвалифицированного труда, американские рабочие не уступали советским по критерию – интересная или хо-

рошо оплачиваемая работа. Потому глава по материалам сравнительного с американскими данными была изъята в первом издании книги «Человек и его работа». Не помогло Ядову и увольнение из отдела Андрея Алексева, уже тогда почти героя отечественной социологии и некоторые другие действия в 1960-х, о которых он говорит с присущей ему предельной честностью в своем интервью Докторову. Система окрысилась против Ядова, распознав окончательно его чуждость ей. В.А. вынужден был распространиться со своей любимой лабораторией в ИСЭП и был снят с поста председателя Ленинградского отделения Советской Социологической Ассоциации. Ядов должен был искать прибежище вдаль от социологии – в Институте истории естествознания и техники.

Перестройка и последующие 10 лет либерализма в России означали грандиозный скачок в карьере Ядова и позволили ему выразить свои глубинные идейные позиции. Объект для противопоставления ему попался отличный. Это – Геннадий Осипов, один из главных основателей советской социологии и горячий поклонник Западной науки. С начала 90-ых он превращается в одного из лидеров ксенофобии, поддерживавшейся влиятельными силами в стране. В 2007 году на конференции социологов Осипов говорил «о силах мирового зла», поставивших своей задачей «сломать становой хребет российской государственности», и о необходимости спасти русский народ, который «в новой России» «оказался пораженным в правах и лишился прав субъективности». Ядов, и только он из числа видных социологов, бросился в бой. Это уже был не Ядов прежней эпохи, сторонившийся прямых столкновений с властью, а человек бросивший ей вызов, ибо то что она видела в нынешнем Осипове своего человека, доказывают всевозможные факты. Ядов яростно атакует Осипова в Известиях и других изданиях и на публичных собраниях, не боясь назвать Осипова фашистом. Тот грозит ему судом, но Ядов непоколебим. В начале 90-ых, когда в Кремле первую скрипку играли демократы, выступление против Осипова, которого и тогда поддерживали черные силы во властных структурах, было умеренно опасно, но продолжать эту деятельность в 2000-ые годы, когда Осипов превратился в крупного государственного деятеля со связями во всех эшелонах власти, и когда число его откровенных сторонников стало огромным, дело еще более опасное.

К середине первого десятилетия 21 века, когда система восстановила свою преемственность с советским периодом, отношения между властью и Ядовым определились вполне. Ядов окончательно закрепился на той роли, в которой он был в лучшие 60-ые годы – с трудом терпимым для власти социологом, у которого нет никакого шанса оказаться на вершине академической пирамиды, где ему положено быть. Я не поленился посмотреть список членов Отделения Общественных Наук. Сопоставлять их научные достижения с ядовскими невозможно. А Ядов так и остался вне Академии. Не был он избран и на специально выделенное Президиумом РАН место академика, минуя членкоррство.

В июне 2007 года «группа академиков», под руководством Осипова создала Союз социологов России с аббревиатурой, милой сердцу тех, кто ностальгирует по империи, – ССР. Вдохновленный продолжающимся наступлением на свободу мысли, Василий Жуков, возникший из небытия социолог, да и еще со званием действительного члена Российской академии, предложил от имени власти новую историю советской социологии. Исключив из нее тех, кто был ее основоположниками и ее гордостью. Имя Ядова упомянуто один раз, скороговоркой в ряду малоизвестных социологов. Не было сказано ни слова о том, что он стал директором Института социологии почти немедленно после крушения советской си-

стемы и был им десять славных для российской социологии лет. Не упомянуто и то, что Ядов – автор многих книг, по которым учились все живущие поколения российских социологов. Более того, Жуков заявил в одном из интервью, что «Ядов и Здравомыслов не представляют академическую социологию», точно так в свое время Ахматова и Зошенко, по мнению подручных Жданова, не представляли советскую литературу.

Авторитарная система может только в лучшем случае терпеть таких людей как Ядов. Как здорово, что в последние два десятилетия Ядов абсолютно выпрямился, отказался от всяких компромиссов с авторитарной властью и присоединил к своим лаврам большого ученого репутацию смелого русского интеллигента.

И вот уже шефу 80 лет! Этнографические зарисовки первого математика в стане социологов

*Галина Саганенко
доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Социологического института РАН, С.-Петербург*

Я поступила на матмех ЛГУ в 1957 году, приехав из провинциального города Таганрог и выдержав конкурс в 4,2 человека на место; получила 21 из 25 баллов и была зачислена на факультет. Матмех на моих глазах перемалывал судьбы огромного числа людей, на втором курсе в 17 лет я тоже чуть не была перемолота той бездушной машиной, которая считается классическим обучением.

История моего появления у Владимира Александровича Ядова была следующей. Как-то получилось (видимо, для того чтобы началась эта история!), что я пару семестров не получала стипендии и вынуждена была зарабатывать деньги, чтобы жить. Я – иногородняя студентка, и мы с братом (студент филфака) мужественно решили не сообщать родителям о паре по истории КПСС и отсутствии у меня стипендии. Брат ел докторскую колбасу, а я получала трудовой опыт на более скромном питании. Второй-третий курс прошел в бдениях на физической работе: фабрика Веры Слуцкой на Косой Линии, Хлебозавод № 1 на Барочной, почта на Среднем проспекте у 7-й Линии, колхоз на месяц по разнарядке для научных работников от Института теоретической астрономии – за ставку лаборанта в 74 рэ (я там познакомилась с кучей «академиков» – так мы называли сотрудников Академии наук, один из них потом стал академиком). Матмех не скупился на выговоры. На третьем курсе осенью у меня их было три.

К середине третьего курса мы (были на матмехе и другие любители такого хобби; мы путешествовали по «злачным хлебным местам» с камчадалкой Димой – Ниной Дмитриевой) перебрались на интеллектуальную работу – лаборант в Аэродинамической, затем в Газодинамической лаборатории и др. У нас были уши на макушке, и мы не зевнули объявление в газете «Ленинградский университет» о том, что социологической лаборатории философского факультета требуются студенты на кодировку данных опроса или что-то в этом роде.

У меня был 4-й курс, по-моему, была весна, когда мы с Димой появились в социологической лаборатории в разваливавшемся тогда Меншиковском дворце, на его правой половине. Запомнились деревянные полы с заплатками, всегда намазанные темно-бордовой мастикой... Теперь это филиал Эрмитажа. Скорее всего, задания по кодировке нам объяснял Андрей Григорьевич Здравомыслов, который чаще Ядова занимался организационными делами.

Перфокарта для сортировочной машины имела 80 колонок, требовала только целых чисел и максимум 10 ва-

риантов на один признак/вопрос. Вопросов было больше чем 80 и, более того, Здравомыслов был докой по выявлению объективного отношения рабочих к труду и по сему напридумал разные индексы – складывать, умножать, делить «работу», «инициативу», «дисциплину» и затем квантовать, чтобы получать целые баллы. Самые детальные объяснения по кодировке шли от него. Речь шла о кодировании анкетной информации первого лабораторного исследования «Человек и его работа», ставшего потом знаменитым в стране и многократно повторенно-го затем в разных точках необъятного СССР.

500 анкет за 37 рублей. В общем за 37 рублей была у меня непыльная работа в Меншиковском дворце. 500 своих, 500 дмитриевских анкет (Дима легко устраивалась, но не очень одухотворялась рабочей суетой) – и я с чистой совестью получила свои 37 рублей. И еще я сунулась посмотреть, как чего другие закодировали. И «о, боже!» – там были ошибки. «О, боже» – это было, конечно, не мое восклицание, а Ядова. Провели мы классический статистический эксперимент на 10 анкетах и обнаружили по 2-5 ошибок на анкету. Ядов страшно испугался – как же так, ошибки! Было принято решение – все остальные из 2665 анкет перекодировать заново. Мне это не стоило больших усилий, но дало первый приличный социологический заработок.

Потом какие-то нехитрые общения продолжались – помню, что Дмитриева убедительно внушала Ядову, что ему без математика никак. Он и сам это понимал.

На пятом курсе я взялась писать диплом на ядовских материалах, заодно набивала руку на анализе материала. Заканчивала я кафедру теории вероятностей и математической статистики, где таким мелочам, как эмпирические расчеты средних там или дисперсий, использование статистических критериев, выбор уровней значимости, оценки ошибок всякого рода, корреляции для малых и больших выборок, не обучали, так что разные приемы пришлось осваивать самой.

Подготовила я скромненький, написанный шариковой ручкой диплом примерно на тему «Использование математики в социологии», объяснила там, что есть средняя и ее ошибка, корреляция и ее значимость, посчитала какое-то их количество на социологических данных, получила «5» – от Ядова и его резюме примерно о том, что это «впервые в мире», «4» – от моего руководителя по диплому Виктора Павловича Скитовича, и была единственной на нашей большой защите, кто при «5» и «4» (в любой комбинации у всех было «5») получил итоговую «4». Тем и горжусь.

Меня не смущало после окончания вуза поехать, как и массу наших иногородних выпускников, в какой-нибудь Жуковский, Калининград и т.п. под Москву или в другой «почтовый ящик» – спрос на математиков был большой. В те времена остаться в Ленинграде после вуза было невозможно – разрешения на прописку получали единицы и лимитчики. Ядов уже осознал, что математик – полезный работник в деле изучения массы респондентов, помноженных на массу признаков. А на те скромные хлеба пригласить гордого выпускника матмеха с ленинградской пропиской нечего было и рассчитывать – у Ядова была только ставка лаборанта на 83 рубля, временно освободившаяся от Эдуарда Беляева. Поэтому он пошел договариваться с ректором А.Д. Александровым, и в итоге меня оставили по распределению в Ленинграде, предоставив место в студенческом общежитии.

Потом были мои слезы в процессе многократных мытарств, когда мне не давали права на вступление в кооператив в моей попытке самостоятельно решить свою жилищную проблему. После очередных слез я заявила Ядову – никуда больше не пойду, пока не будет звонка. И был звонок, видимо, из отдела науки Ленинградского обко-

ма КПСС, и мне разрешили вступить в жилищный кооператив. Потом опять были слезы, ибо моя частично оплаченная квартира уже строилась, но я потеряла всякую прописку - мы перешли из ЛГУ в Академию наук, и моя (как оказалось) незаконная студенческая прописка была выявлена в Большом доме на Литейном. И опять после многократных хождений я заявила Ядову – никуда не пойду, пока не будет звонка. И, видимо, опять был звонок, и меня прописали в общежитии Академии наук. Потом было новоселье на Альпийском переулке – Владимир Александрович, Игорь Семенович Кон, Дима Шапин, Вера Васильевна Водзинская, Галина Красноносенко, Галина Пожарская, Вера Николаевна Каюрова сидели на березовых чурочках, доставленных скалолазами из карельских краев, и было пение, кто-то из гостей хорошо настроил нашу спевку, может это был Андрей Григорьевич. Лаборатория подарила в мою пустую квартиру кресло и торшер. Потом была свадьба с Игорем Степановым и личный подарок от Ядова - комплект на стенку разделочных досок - до сих пор я пользую одну из них в своем кухонном хозяйстве. Потом родился сын Володя, и Ядов стал его крестным отцом...

Конечно, была масса разных симпатичных житейских эпизодов в нашей коллективной жизни. Ну и, конечно, было много бдений по поводу науки – как мы ее тогда понимали. Какая-то неумная ответственность, безмерный энтузиазм и стремление достучаться до данных, чтобы они нам приоткрыли суть социальных вещей...

И вот уже шефу 80 лет! Да и нам, ученикам и соратникам, немало. Как удивительно все это!

Есть только слабое утешение в возможности как-то пристроить свой опыт проживания быстротекущей жизни – в общении со студентами передать им значимость своего открытия: «Спешите много жить! Только жизнь, наполненная событиями, пролетит не очень быстро!».

Вот на такую личностную этнографию подвигла меня круглая дата в жизни дорогого Владимира Александровича.

Cześć, Владимир Александрович!

*Сергей Чесноков
кандидат химических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН, Москва*

В поисковой системе Google запрос «Ядов Владимир Александрович» открывает ссылку на статью «Социологического словаря»³, начинающуюся словами «Ядов Владимир Александрович – российский социолог». А в конце статьи – предложение: «Если у Вас есть своё определение данного слова/термина, вы можете его добавить в нашу коллекцию».

Свое определение у меня есть. Добавляю его в коллекцию.

Стиль жизни

Прежде всего, Ядов это стиль жизни в себе и среди людей. Стиль, укорененный в европейской культуре, о котором говорит Мандельштам в статье «Франсуа Виллон» (1913), обозначающая предпосылки Ренессанса в житийном фундаменте позднего средневековья: «Средневековый человек считал себя в мировом здании столь же необходимым и связанным, как любой камень в готической постройке, с достоинством выносящий давление соседей и входящий неизбежной ставкой в общую игру сил». В точности о Ядове, — насколько могу судить.

Плеяда и связь поколений

Ядов это плеяда. Левада, Грушин, Гордон, Карпинский, Лацис, Шаталин... Заславская, Здравомыслов, Карякин, Лапин, Фирсов, Шкаратан, Шляпентох, Шубкин, много других. Много, но список легко обозрим. Все (или почти все) стали самостоятельными в марте 1953 года плюс минус год-два. Когда, по словам Окуджавы, с «генеральскими почестями» умер «мартовский снег», а «снежная баба осталась вдовой».

Его поколение непосредственно предшествует моему. Для младших старшие — ближайшая по времени точка притяжения и отталкивания в выборе личной судьбы. Для меня Ядов — символ связи поколений.

Ядов и язык

Весна 1969. Закончив аспирантуру по теоретической физике, поступаю к Грушину в Институт конкретных социальных исследований. За год до того вижу и слышу Шляпентоха в Новосибирском Академгородке. Пел у него дома во время фестиваля в марте 1968 года. У Лена Карпинского на Зубовской вижу и слышу Лациса, Амбарцумова, Бурлацкого, Тимура Гайдара, Лисичкина, Карякина, Владимира Кривошеева, Орлова Бориса, Черниченко. В Институте слушаю Грушина, Леваду, Шкаратана, Здравомыслова. И Ядова. Он приезжал из Ленинграда.

Моя бабушка пела в старом романсе: «как мне нравился твой разговор». Разговор Ядова поразил меня.

Говорит как свободный человек. Говорит о проблемах осознания реальной жизни. Ясно, спокойно, доказательно. Говорит в идеологическом логове системы так, будто запреты его не касаются.

Прямой язык. Открытый. Непривычный стиль нейтральной констатации. Внятно формулирует проблемы, ставит задачи, разворачивает исследовательские программы. И не «вообще», а в реальных условиях того общества, той каждодневной реальности. Человек в единстве со своей речью. На него хочется смотреть как на портреты Гольбейна. Все привлекает: натура, стать, внутренний стержень.

Никакой идеологической тухлятины. Оценок минимум. Но суть прозрачна, и оценки становятся очевидными. «Минные поля» учтены. Идеологические ищайки все понимают, нервничают, но бессильны, — придраться не к чему.

Ядов демонстрировал язык, сама возможность которого на фоне сталинской идеологии и тоталитарного общества казалась химерой. Он сделал его, опираясь на предшественников и учителей. По-своему и убедительно. Показал всем, кто его видит и слышит, мне, в том числе, как можно говорить о фундаментальных социальных проблемах, не становясь на запятки и не унижаясь до пресмыкательства, двуличия, глупости.

Я вообще никогда не видел Ядова душевно незрячим. Или прикрывающимся рационализациями, от которых делается неловко и тошно. Он может красноречиво смолчать. Но когда говорит, умеет не умалчивать, — без конфронтации, сохраняя собственное достоинство и уважая право на такое же достоинство тех, против кого направлены его слова.

Он умеет жестко демонстрировать свою убежденность, давая собеседнику ясно понять, что тот не обязан разделять его точку зрения. Редкий дар.

У Леви Стросса есть критерий валидности социальных знаний: если социолог, знающий жизнь людоедов и попавший в их племя, оказался съеден, значит, жизни людоедов он не знал. Ядов — знает. И, оставшись в живых, остался человеком.

3 http://mirslovarei.com/content_soc/jadov-vladimir-aleksandrovich-10414.html

Диспозиции личности

Меня его язык поразил. Одно из самых ярких впечатлений в тогдашнем ИКСИ.

Галич на вопрос «как вы начали писать песни?» отвечал: «Встал как-то утром, включил радио – ничего не понимаю. Еще вчера все понимал, а сегодня – ну ни слова. Надо, думаю, что-то делать. Начал писать песни».

Ядов тоже говорит, что у него все само собой вышло. Случайно. Кон дал книгу по методам, говорит: — посмотри... Так и стал социологом.

Конечно, не случайно и не просто. Его работа и известный всем результат не были следствием лишь образования. Или подражания учителям. Людей с тем же образованием тьма. А Ядов один.

Не было это и следствием только знаковых событий: смерть Сталина, 20-й съезд. Хотя без них исключенный из партии в 1952-м выпускник философского факультета Володя Ядов вряд ли смог бы создать социологическую лабораторию в конце 50-х, в начале 60-х пройти стажировку в Манчестере и Лондоне, к семидесятым сформировать собственную социологическую школу.

Стимулом для концентрации усилий могло быть только внутреннее осознание важности задачи, формируемое пережитым, личной судьбой, судьбой близких, массой жизненных наблюдений. Те самые «диспозиции личности», «ситуативные установки, обладающие относительной самостоятельностью». Фантастические по силе, вообще, «диспозиции», если сподвигли его на такой упорный и целеустремленный труд.

«Преодоление трудностей материала, среды, почвы»⁴... Работа внутри себя и над собой, равносильная жизни. Персональный личный проект. Ретроспективно ничего случайного, все случайности не случайны. А результат — мощное позитивное действие, вполне обыденное по форме. В числе многих я был тому свидетель и воспринимал это как чудо. То была поддержка для всех, кто строит свой язык, свою картину мира, делает свой выбор в жизни.

Методология и методы

Либералы были сплошь гуманитарии и почти все сходились в том, что не надо самим разбираться в математических методах. Достаточно было грамматически правильно употреблять слова «формализация» и «позитивизм», чтобы произвести впечатление, что с математикой все понятно.

В то же время было понятно, что мало «пригласить нужных специалистов и правильно ими руководить». Проблема применения точных методов в социологии, это прежде всего проблема взаимодействия двух культур: гуманитарной и естественнонаучной.

Создавая социологию практически с нуля, гуманитариям нужно было самим вникать не только в методы эмпирической социологии, но и в способы применения математики, даже и в саму математику.

Ядов один из первых в СССР стал изучать мировой опыт социологических исследований и применять его на практике, подвергая методологическому осмыслению. Сначала как любопытный и пытливым человек: «Кон дал книжку, и пошло». А потом все глубже и глубже.

Детализация и внятность, с которыми Ядов проник

в проблемное поле мировой теории и практики методов эмпирической социологии, не имели себе равных. При этом он действовал и как практик, и как теоретик-методолог, выходя далеко за пределы потребностей своих исследовательских проектов.

Это было фундаментальное научное действие, которое соединяло методологию получения социальных знаний с методами эмпирической верификации понятий, используемых в социальных теориях. Основные вехи и результаты этого беспрецедентного для тогдашнего СССР личностного проекта хорошо известны. По характеру и предмету он был несовместим с тоталитарными основами окружающего общества. Но он состоялся. Благодаря многим людям, но Ядову – в первую очередь. Ядов был его душой. Вложенные им интеллектуальные усилия дали всходы и принесли добрые плоды, которыми долго еще будут пользоваться социологи и в России, и за рубежом.

Читая Ядова

Я предпочитаю читать тексты Ядова как литературу особого рода, реферированные тексты, где стремление к ясности основано на эмпирической верификации теоретической мысли.

В его текстах всегда виден он сам, его социальное действие, феноменология его духа в отношениях с социальной реальностью. Это интересно понимать. С этим интересно полемизировать.

Одно удовольствие вступать в диалог с его текстами, дополняя выделенные в них вербальные реплики невольно всплывающими в сознании репликами невербальными, которые Ядов являет собой, своей речью, манерой говорить, думать, комментировать.

Х Х Х

Жизнь Ядова в языке началась давно и это славная жизнь. Но 25 апреля я подниму бокал за то, чтобы она как можно дольше не становилась единственной.

Приветствуя других, Ядов пользуется иногда польским «cześć»⁵.

Потрясающее приветствие.

Cześć, Владимир Александрович! И долгих лет!

Человек на все времена

*Владимир Магун
кандидат психологических наук,
заведующий сектором
Института социологии РАН, Москва*

В.А. Ядова принимают и ценят разные люди, часто с трудом переносящие друг друга. Он – одна из опор профессионального сообщества, да и всего нашего общества в целом. Это человек, реально объединяющий огромное число людей, живущих в разных частях страны и разделяющих разные убеждения, и способствующий тому, чтобы они сходились друг с другом на некоторых общих представлениях и ценностях. В нашем бескомпромиссном, не умеющем и не желающем договариваться обществе, Ядов – из тех редких людей, благодаря которым мы еще живы, не разрушились окончательно. Сам он – либерал и демократ по своим политическим взглядам, однако он всеми силами сопротивлялся тому, чтобы в очень политизированное десятилетие, когда он руководил институтом, Институт социологии занимал определенную политическую позицию. Да и сам В.А. не стал в эти годы активной публично-политической фигурой – как бы специально уходя в более абстрактные и политически нейтральные темы и сюжеты (хотя с его способностью к общению с любыми аудиториями стать таковой фигурой

4 В предисловии к книге «Человек и его работа в СССР и после» (2003) студентам-социологам Ядов и Здравомыслов адресуют слова: «Человек и его работа» – тема вечная... Работа (work, Arbeit, travail) — это есть совокупность усилий, которые человек направляет на преодоление трудностей материала, среды, почвы, (курсив мой — СЧ) чтобы создать нечто необходимое и полезное или излишнее, но красивое, чтобы этим творением кто-то мог пользоваться или радоваться ему».

5 Cześć – уважение, почтение; честь, достоинство; слава; привет!

ничего не стоило).

Всем известна сформулированная В.А. диспозиционная теория личности, в научный оборот давно вошли многие социальные факты и закономерности, открытые им и его сотрудниками, полстраны училось «по Ядову» технологии социологического исследования. Он причастен и ко многим публикациям, в которых нет его фамилии – благодаря его щедрой способности увлеченно включаться в обсуждение чужих работ, делать точные замечания и давать ценные советы.

Все эти замечательные профессиональные достижения неотделимы от неповторимой ядовской личности. Ядов открыт всему новому; фактам, идеям, исследовательским подходам. И хотя это, казалось бы, одна из основных норм научного этиоса, многие из тех, кто пребывает в науке, ее не соблюдают. Среди людей ядовского социального статуса в советское время было огромное число тех, кто видел свою миссию как раз в противоположном: сопротивляться новому и охранять идеологические устои.

Ядов – человек свободный и подчеркнуто неформальный, он всегда дает огромную свободу тем, кем ему приходится руководить, и по возможности защищает их от агрессии со стороны окружающей среды. Никакого попукивания и пошагового контроля, он не любит, да и не умеет «наводить порядок». Все помнят его политику директора-освободителя: возглавив Институт социологии, он каждому предоставил право выйти из сложившихся административных образований и заявить свой собственный научный проект. Геннадий Батыгин в статье к ядовскому 70-летию метко назвал этот процесс возвращением к «естественному состоянию»⁶. При Ядове можно самозабвенно работать и реализовывать себя, а можно и ничего не делать. Всегда хватало критиков этого ядовского качества со стороны радетелей порядка. Но в нашей стране, где желающих навести порядок всегда на порядки больше, чем дарителей свободы, руководители Ядовского типа – безусловное национальное достояние.

Мне посчастливилось знать жену Ядова – Людмилу (Люцию) Николаевну Лесохино. Она была человеком очень сильным и незаурядным, жила общей жизнью с В.А. и активно участвовала во всех его делах. Когда-то я был поражен тем, насколько точно она знает все подробности драматических событий, происходивших у нас на работе еще в бытность Ядова руководителем ленинградских секторов ИКСИ. При этом у нее всегда была своя насыщенная и успешная профессиональная жизнь, многие годы Л.Н. занималась социологией образования взрослых, эффективно содействуя развитию этой сферы. Но до этого у нее была другая специальность: некоторое время назад я слушал по «Эху Москвы» передачу, в которой участвовал артист Георгий Тараторкин. В студию позвонил его одноклассник и спросил: «А ты помнишь замечательные уроки литературы, которую нам преподавала Людмила Николаевна Лесохина?»

Я знаю Владимира Александровича больше половины прожитых им лет, и за эти годы видел очень много Ядова. Когда он был на подъеме, и когда понимал, что сделать ничего нельзя, когда был безрассудно смел и ввязывался в драку, и когда отступал и шел на компромиссы. (Нам всем приходилось идти на них, но давление на Ядова-руководителя было многократно сильнее.)

Были 60-е – годы бури и натиска, создания «Человека и его работы» и выхода знаменитых тартуских лекций по методологии социологического исследования. Были 70-е и первая половина 80-х, когда ему, как и многим другим, было трудно дышать. Почти невозможно было, оставаясь в рамках легальной научной деятельности, выполнять свой научный долг и называть вещи своими именами. Ядов и тогда не опускал руки и «делал, что должно»: возглавил проекты «Саморегуляция» и «Человек и его работа-2», создавал благоприятные возможности работы для своих коллег. Но ни природная интеллигентность и мягкость, ни готовность идти на уступки не спасли его от отлучения от руководимого им коллектива и изгнания из института. Тем, для кого крах советской жизни, кажется чем-то неожиданным и случайным, полезно вдуматься: одного из ведущих социологов изгоняют из института «социально-экономических проблем» в то самое время, когда эти проблемы крайне обостряются...

К концу 80-х социальные колесики снова повернулись, и В.А. в полной мере ощутил свою востребованность. В этот поистине исторический момент Ядову – основателю первой в Советском Союзе социологической лаборатории – предложен новый вызов: реформировать символический центр советской социологии – ИСИ АН СССР. Он этот вызов принял и миссию выполнил. У меня часто возникало впечатление, что Ядов и в самые беспросветные периоды где-то внутри знал, что все изменится, и это позволяло ему сравнительно спокойно переносить торжество варваров. Наверное, помогал и опыт преследований, пережитых им в последние годы сталинского режима, и память о том, что и тогда «на смену декабрю» приходили «январь». (Признаюсь, иногда мне это его настроение было непонятно и воспринималось как легкомыслие и беспечность.)

В.А. переехал в Москву накануне своего 60-летия. Помню, я зашел в Институт социологии поздравить его с юбилеем, он работал там недавно и потому старался не привлекать к этой дате внимания окружающих. Формально говоря, последние 20 лет мы общаемся с не очень молодым человеком. Но это период его явного подъема, включения новых источников энергии и продуктивности. Добавьте к этому накопленный им за многие годы интеллектуальный капитал, умудренность и пребывающие в целостности и сохранности добрый нрав и чувство юмора – и перед вами наш юбиляр. Будьте и дальше востребованы и свободны, дорогой Владимир Александрович!

6 Г. С. Батыгин. «Ему легко быть самим собой» // Социологический журнал. Специальный выпуск к 70-летию профессора В. А. Ядова. 1999. С. 12